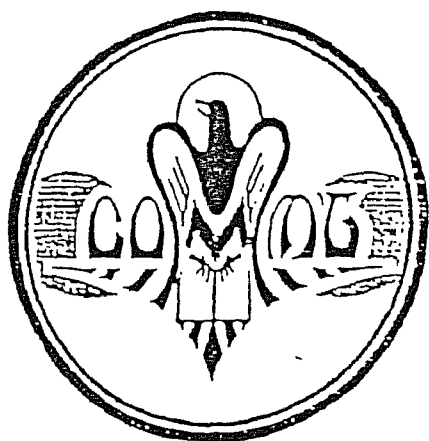

Департамент культуры Правительства Свердловской области
Свердловская областная массовая межнациональная библиотека

Даҗжест
Выпуск 3.

Екатеринбург
1996

*COMMB - это 45 тысяч книг,
аудиовизуальных и др.
материалов по истории,
этнографии, культуре,
этнопедагогике, искусству
народов России, в том числе на
национальных языках.*

620146

г. Екатеринбург

ул. Бардина, 28

Тел. 284-455, 431-705

*COMMB - это более 400 наименований
периодических изданий республик и регионов России.*

*COMMB - это информация, творчество,
культурно - образовательные и досуговые программы.*

*COMMB - это популяризация истории и
культуры разных времен и народов.*

*COMMB - это межнациональное
взаимопонимание и сотрудничество.*

Художественная литература, как вместилище исторической памяти и как конденсатор духовного опыта народа, являлась и продолжает являться великим Учителем, нравственной опорой человека, поколения, этнической общности. В центре ее - многогранная человеческая жизнь, а цель ее - нравственное и эстетическое развитие личности. Литература способствует объединению людей, установлению взаимосвязей между различными народами и эпохами.

Сейчас происходит научное осмысление художественного наследия татарского народа. Здесь за долгие годы накопилось достаточно серьезных проблем. Многие рукописные и даже напечатанные ранее арабписьменные памятники прошлого, недоступные пока современным читателям, ждут своих текстологов, редакторов, ждут нового прочтения.

Не изучены еще жизнь и творческая деятельность значительной части татарских писателей. Вне поля зрения исследователей остается наследие татарских писателей, оказавшихся по разным причинам за рубежом. Слабо изучены идейно - художественный мир, поэтика, философские основы, преемственность и взаимосвязи татарской литературы дотукаевского периода со словесным искусством других народов.

Возникновение татарского книгопечатания было событием огромной важности в духовной жизни народа. С ним напрямую связано просветительское движение среди татар. Татарская книга внесла весомый вклад и в просвещение ряда тюркских народов России.

Первые печатные татарские книги появились в свет в российских типографиях. Как очень многое в нашей отечественной истории, это событие непосредственно связано с преобразованиями Петра I.

До 1711 года в России работала только одна типография, московская. А в 1711 году гражданский шрифт этой типографии перевозится в Петербург, и с этого времени начинает действовать и петербургская. В первой четверти XVIII века, кроме московской типографии, печатавшей книги кириллицей и петербургской, печатавшей книги гражданским шрифтом, существует в Москве и третья типография, известная под названием Гражданской. Эта московская Гражданская станет той типографией, где будет сделан арабский шрифт, на основе выделенных этой типографией материалов и оборудования будет создана походная "турецкая" типография Петра I, которая издаст первое наборное татарское печатное издание.

Предпосылкой этого события послужил персидский военный поход царя Петра в 1722 году. Собираясь в него, Петр I заранее предусмотрел издание прокламаций на языке местного населения в

походной типографии с "турецкой азбукой" - арабской литерой. Организация походной типографии была поручена князю Дмитрию Кантемиру, который сам, по своим же рисункам, выполнил арабские литеры, так как до 1722 года в российских типографиях таких шрифтов не было.

Первым текстом, выполненном на татарском языке арабским письмом стал "Манифест" - разъяснение местному населению юга и юго - востока (Каспий, Северный Кавказ, Персия, Хива) причин похода русского царя. В "Манифесте" указывалось, что местному населению нечего бояться русской армии. Как истый дипломат, Петр I называет себя другом русского шаха и причину своего похода объясняет тем, что пришел помогать шаху избавить его от воров и бандитов, орудующих в его государстве. Манифест был роздан среди населения северного Прикаспия и Кавказа, татарам, ногайцам, азербайджанцам, балкарам и другим народам.

و چون درجائی و قدرت جهان را از این ایله بقدر طروس اولک ایله پراپور طوایف روس
 دریدار لر ضیق و مهالك شجاعین طلوع و الزوال و انصاف الهی بهن پادشاه البیردن و ذقان
 البحرین و نیجه دخی ساهر و گیز و سایر و امشاعله لری و حکمران کلهر لک حاکم
 و مالکانه بیوز رجیسی
 درکتلو و عظمتلو و مهابتلو اولو و دیمیز و قدیمی دوستور شاه عالیجاه
 حضرت لردنک حکومتمنده و خدمتمنده اولان عزتلو و حرمتلو سیپه سالاریان و خانیان
 و قورجی باشیان و آغا یان قول و قلعیکچیان و طوچی باشیان و بکلر بکلیان قول
 و سلطانان و وزرا و سایر مضابطان و نثار لک بیک و دوز باشیان و فضیلتلو علمامولا
 و درکتلو املار و مؤنزلار و سایر ارباب خدام جوامعی و کوی کتخدالری و اهل تجار
 و کزوان و دستگاه و طری و دکان و اهل صنعت خایه لاری و شاکردلری و عموم
 اوزره اهل دینت رعای و پرایا هر بریسی مرتبه سی ایله و اجناسی ایله و مذهبی ایله
 سلام سلامت انجام ایلایله توقه رفی و ایورم و اصل اولیجق معلوم عزتمندلری
 اوله که سنده مولد رفی و عیسی مسیح حضرت لردنک بیک یلدیز و زیکی می و یزنده که هجرت
 ستمسک بیک یوز اوتوز دور تیدر شوکتلو و عظمتلو و مهابتلو اولو دوستور و ارزانی
 قو کشیمیز شاه عالیجاه و مهالك اراض پارس و عجم حضرت لردنک تخت قصر فنده
 اولان لاکه و لایتنک ضابطی داود بک و قاضیه قاف ایالتنک حاکمی سورقلی نام
 کستلار اولطاردن اجناس معتکدن ایجه قندارنکیز جلاللار یانلرینده جمع
 ایدوب مذکور شاه عالیجاه دوستور حضرت لردنک اوزرینده باش قالدروپ و قبضه
 تمیز فنده اولان مملکت شروان ایالتنده شهر شاهی و حمله هجوم و سیل سیف
 ایدوب شاه دوستور حضرت لردنک نیجه آندلرینی هلاک ایلدیکلریندن معاف
 طرف عالیداره زدن لخی طوایف روسدن عهد نامه و ایوندریمیز موجوده معان
 قدیم اوزره بلده مزبورده تجارت ایله و اروپ کالمک اوله که شاری صرجه زکنا هیز
 بلا محبت قتل و مالارون که نقود حسابی اوزره مجموعی دورتور کزیه یوز بیک
 روبلیه قریب ثارت و تالان تاراج ایلدیلر و حصر صا که اثنای پادشاهانه مزه
 عکس عهد حادثه زحم و اختلال و داد ستاده قطع و ست استور ایلدیکلری اجلاس
 طایفه شیهه خوشه ایله دین آیدرخان والیسی اولان مذکور روبره باشلرینه

(Манифест Петра I от 15 июля 1722 года. Астрахань.)

Татарский вариант текста представлял собой тоненькую брошюру, состоящую из четырех страниц. Брошюра не имела ни обложки, ни титульного листа, ни заглавия. Текст начинался с тугри, которая сделана в виде заставки и полностью состоял из татарского текста арабскими буквами.

Экземпляр "Манифеста" 1722 года на татарском языке дошел до наших дней и хранится в Ленинградском отделении Института народов Азии и Африки АН.

Третий выпуск дайджеста *Татарстан* называется *"В часы досуга"*. Он выпущен в связи с предстоящим 275 - летием татарской книги. Читателя ждут новые переводы Г. Тукая, редкие материалы о М. Джалиле, свежесть поэтических строк Р. Бикушева, Э. Давыдова и др.

Содержание

1. Вступление.....	2
2. Юбилейный зал:	
Муса Джалиль.....	5
(редкие материалы)	
Габдулла Тукай.....	13
(новые переводы)	
3. Поэзия.....	15
4. Ходжи Насреддин в Татарстане.....	23

К 90-летию поэта Мусы ДЖАЛИЛЯ

Наверное, мало кто не только в России, но и в СНГ не знает имени легендарного сына татарского народа, известного поэта-патриота Мусы Джалиля. Однако исходя из многочисленных личных наблюдений я пришел к ужасающему выводу, что мало кто знает хотя бы приблизительно его биографию. Да, многие имеют представление о том, что он родился где-то в Оренбургской области, ушел добровольцем на фронт, был в плену, руководил лагерным подпольем, написал "Моабитские тетради" и был гильотирован в фашистской тюрьме. Знают, что ему присвоено звание Героя Советского Союза... Но, если косянуться конкретно биографии, то, как говорится, "темный лес"... Поэтому мы решили кратко напомнить своим читателям биографию одного из величайших поэтов двадцатого века, которому в этом году исполнилось бы девяносто лет.

Вместе с тем, редакция журнала публикует некоторые редкие материалы о писателе-герое, которые несомненно заинтересуют многих. Итак, перед Вами своего рода калейдоскоп статей по джалиловедению.

Муса ДЖАЛИЛЬ

(1906-1944)

Муса Мустафович Залилов родился в селе Мустафино Оренбургской области 2 (15) февраля 1906 года. Вскоре семья переезжает в Оренбург, и Муса поступает в медресе "Хусаиния". Однако ураган Октябрьской революции 1917 года вовлекает его в политический круговорот первых лет Советской власти. В 1919 году вступает в комсомол, а затем и в компартию. В 1922 году уезжает в Казань и начинает работать там в редакции газеты "Кзыл Татарстан", завоевывает известность как писатель. Осенью 1923 года Муса поступает учиться на Татрабфак, а в 1927 году командировается в Москву по вызову ЦК ВЛКСМ на ответственную комсомольскую работу, где в 1931 году заканчивает литературный факультет Московского государственного университета. Вернувшись в Казань, он руководит

литературной частью татарской оперной студии и становится одним из организаторов Татарского государственного театра оперы и балета, ныне носящего его имя.

В предвоенные 1939-1941 годы Муса Мустафович является руководителем Союза писателей Татарстана, а с первых дней Великой Отечественной войны добровольно вступает в ряды Красной Армии и, после обучения на краткосрочных курсах политруков в Мензелинске, попадает на Волховский фронт. Раненый и потерявший сознание старший политрук Закилов 26 июня 1942 года попадает в плен к фашистам.

Известный татарский писатель Муса Джалиль не боится смерти и даже во вражеском застенке борется во имя свободы своего народа, своей Отчизны. Бессмертие героя побеждает преждевременную смерть от рук палача (гильотирован 25 августа 1944 года в тюрьме Плетцензее):

Умирая, не умрет герой -
Мужество останется в веках.
Имя прославляй свое борьбой,
Чтоб оно не молкло на устах!

Светлое имя поэта осталось навечно в памяти людской, его имя носит театр, улицы и проспекты, государственная премия, школы и районный центр Татарстана. В 1966 году на площади Первого Мая в Казани поставлен памятник легендарному поэту, а 9 мая 1985 года торжественно открыт Мемориальный комплекс Мусы Джалиля в Набережных Челнах в одном из красивейших скверов на проспекте Мусы Джалиля.

ГДЕ ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ ДЖАЛИЛЯ?

В 1991 году, знакомясь с материалами, касающимися деятельности советской разведки, я выяснил, что после войны в руки наших разведчиков попали записные книжки Мусы Джалиля. Причем не моабитские тетради, как первоначально утверждалось в документах. Затем мне удалось встретиться с Николаем Горшковым, который был советским резидентом в Италии в конце 40-х - начале 50-х годов. По его словам, он держал в руках книжки, принадлежащие Джалилю. Их в советское посольство принес человек, имя которого Горшков за давностью лет забыл. Но Николай Иванович вспомнил, что несколько этих записных книжек отправил в Центр.

На наш запрос из первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка) 5 июня 1991 года пришел ответ, в котором сообщалось: "4 января 1946 года в Центр были направлены, как указано в тексте сопроводительного письма, 9 записных книжек, принадлежащих Мусе Джалилю, Абдулле Алишу, Фуату Булатову,

Гарифу Шабаету, Сайфулле Мулюкову, Абдулле Баталову и Ахмеду Симаеву. Книжки в посольство принес некий Казым Миршан, 1921 года рождения, уроженец города Кульджи-Синьцзян, который заявил, что все эти лица находились в плену у немцев и 7 ноября 1944 года были расстреляны в Дрездене. Перед арестом они все якобы просили Миршана взять все записи и передать их на Родину. Вследствие того, что мы не можем прочесть их содержание, мы не смогли установить, что за люди их авторы.

Записные книжки передали тогда в отдел по эмиграции. Откуда с сопроводительным письмом начальника 17 управления НКГБ СССР генерал-лейтенанта Фитина от 28 января 1946 года они были направлены начальнику ГУКР "Смерш" Наркомата обороны СССР генерал-лейтенанту Бабичу. Каких-либо данных о местонахождении записных книжек в архивах советской разведки пока не обнаружено.

Центр общественных связей КГБ Татарстана по своей инициативе длительное время занимается поиском этих документов. Были посланы запросы в архивы различных ведомств, где могли бы оказаться записные книжки. Однако пока не принесли результатов. Тем не менее мы не теряем надежды обнаружить то, что патриоты стремились передать на Родину как последнее свидетельство их верности Отчезеству.

Равиль КАШАПОВ,
начальник центра общественных связей КГБ Татарстана.
(*"Известия Татарстана"*, 1994 г.)

ПО СЛЕДУ ПЕСНИ

Как волшебный клубок
из сказки,
Песни - на всем моем
пути...
Идите по следу до самой
последней,
Коль захотите меня
найти!

М.Джалиль.

Когда мы собирались в свой очередной поход по волховским болотам, нашлись люди, усомнившиеся в смысле нашего поиска. Дескать, по следам "оборванной песни" пройдены сотни дорог, и вряд ли студенты смогут найти новую, неизвестную, сказать свое слово в многолетнем изыскательском труде. Но мы верили, что найдем не только заветную тропу, даже следы героических песен поэта. Верили, что найдем свою ниточку "клубка из волшебной сказки"...

Новгородчина встретила нас хмуро: августовские проливные

дожди, словно губку, насытили болото под Мясным Бором, по которому нам предстояло пройти два десятка километров. Но это не разрушило наши планы, тем более, что с самого начала похода мы уже шли по следам Джалиля. В небольшом городке Малая Вишера с трудом удалось найти тот самый домик, в котором полтора военных месяца прожил политрук Залилов. Убедились, что сохранить избушку теперь уже фактически невозможно. Но сохранить память - наша задача. Уже потом, вернувшись в Казань, мы узнали, что улицу, на которой стоит тот полуобвалившийся домик, местные жители называли именем татарского поэта-героя. И решение это было результатом нашего похода. Но это будет потом.

А пока впереди у нас главная цель - добраться до расположения штабных блиндажей, что отмечены на карте 1942 года. Пройти по местам, где в священной неприкосновенности сохранился своеобразный заповедник войны - Долина смерти.

Эта цель объединила всех нас, 18 человек: бойцов "Снежного десанта" КГУ, учащихся Мензелинского педучилища, студента-медика, кинооператора из Брежнева и двух профессиональных журналистов. На несколько дней экспедиции мы стали одним целым, чтобы преодолеть все испытания, уготованные Долиной.

Идем, как обычно, гуськом, след в след за бессменным проводником Валерием Орловым. Многие из нас уже бывали в этих местах, но волнение новичков передается всем.

**"Я там, где поле
в ржавчине колючей,
Где свищет смерть
по просекам лесным..."**

Вот она - та самая просека, та самая узкоколейка...

Со стороны мы, наверное, похожи на тех, кто месил эти болота сорок лет назад. Только стволы винтовок, подобранных нами, порядочно заржавели, а вместо плащ-палаток на наших плечах туристские штормовки. Нам легче: идем напрямик. Не надо ждать пулеметной очереди из-за каждого кустика. Но чувство, которое приходит к нам, наверное, близко тому, что испытывали бойцы 2-й ударной армии.

**"И юные когда-нибудь
узнают,
Как жили мы и умирали
мы".**

На каждом шагу - маленькие лесные озера с прозрачно-рыжеватой водой. Лишь присмотревшись к ним, догадываешься, что это воронки от бомб и снарядов. Теперь в это даже не верится.

**"Цветы проклюнулись
из ран,
Кровавых ран земного
сердца..."**

Деревья здесь в основном молодые, послевоенные. Те же, что постарше, можно сразу узнать не только по размеру, но и по ссадинам на коре - следам пуль и осколков. Чуть поодаль от рощицы, на том месте, где когда-то стояла деревенька, раскинул ветви дуб. Великан хранит память. На его стволе вырезана надпись сорокалетней давности: "...Старший сержант Шумаков К.Л. 1917 - 31 мая 1942 года."

"Памятник тебе достойный
Этот старый дуб
высокий..."

Пройдя с десятков километров, натыкаемся на следы оборонительной линии. Там, где посуше, бруствер виден отчетливо, будто сделан недавно, но мастерски замаскирован. Где-то здесь, рядом со штабными блиндажами, занимали свою последнюю оборону сотрудники армейской "Отваги", среди которых был и Муса.

"Окоп мой узкий, он
сегодня грань
Враждебных двух миров..."

Рядом с окопом - следы жаркого боя: россыпи гильз, пустые пулеметные диски, патронные ящики. А вот и каска. Вражеская пуля попала в лобовую часть, но не пробил ее. Остались лишь глубокая вмятина и трещины. Значит, сталь спасла кого-то из солдат. Такой вот простой красноармейской каске и посвятил поэт свой стих:

"Друг безгласный, ты
жизнь сохранила мою,
Я тебя никогда не забуду".

Линия окопа ведет прямо к блиндажу - цели нашего похода. Здесь в июне 42-го располагались штаб и редакция. Догадаться об этом несложно: рядом скопление легковых машин, взорванных на стояке при отходе. Своеобразным пассажиром одной из "эмок" стала двадцатилетняя березка, пробившаяся прямо сквозь кабину. Сам блиндаж смотрит на мир чернеющим отверстием из-под обвалившихся накатов. Что он таит в себе?

Несмотря на усталость и морозящий дождь, едва разбив лагерь, начинаем раскопки. Саперные лопатки наших археологов постоянно натыкаются на камни, но дело идет. Одновременно работы начинаются и в ближайших окопах. Сейф и машинку долго искать не пришлось. А вот чтобы перебраться со всей тщательностью более чем три кубометра земли - пришлось потрудиться не один день. Особенно старались девушки, это благодаря им удалось буквально высеять конское удило, ключ и другие предметы быта.

Три дня раскопок увенчались успехом. Теперь уже можно было почти полностью восстановить возможный интерьер редакционной землянки: рядом с машинкой и сейфом стояли вот эта рация, керосиновая лампа, телефон с катушкой провода и даже старенький

патефон. Жаль только, что так и не удалось найти шрифтов - они были брошены в болото самими газетчиками еще при отходе из окружения. Зато удалось обнаружить россыпь отсыревших патронов "ТТ". Сразу вспомнилось:

. "Последний миг -
и выстрела нет!
Мне изменил мой
пистолет..."

Не изменило тогда поэту лишь одно оружие - его слово. Теперь немало найдено свидетельств и свидетелей того подвига. Каждая из этих находок - еще один безмолвный свидетель. Поэт мог погибнуть еще тогда, в 42-м, от этой вот немецкой мины, которую он называл "скворцом со стальным оперением". Но и тогда песни Джалиля звучали бы на всех языках, была бы вечной память о нем. Ведь подвиг моабитского узника начинался и здесь, в волховских болотах. Возвращаясь с ценными находками из Долины смерти, мы знали, что впереди новые поиски. Но теперь мы уже были уверены, что находимся на верном пути. Ведь нам удалось найти те следы, которые до сих пор таило в себе болото. А сколько их еще? И следы эти не только в местах боев, в тюремных застенках. Следы песен Джалиля в сердцах тех, кто воевал рядом, в одной редакции, разделял с ним тяжесть плена. Но это уже следующая страница поиска. Впереди новые походы "за волшебным клубком".

Михаил ЧЕРЕПАНОВ.
(*"Комсомолец Татарии", 1985 г.*)

КОРАН В МУЗЕЕ ДЖАЛИЛЯ

В июле 1994 года фонды музея-квартиры Мусы Джалиля в Казани пополнились новым экспонатом, связанным с именем поэта. Среди обычных для музея исторических документов и материалов появился "Коран" муллы Гали Усманова, который был торжественно передан профессором, доктором исторических наук и писателем Миркасымом Усмановым. Именно по этому Корану Мулла Гали Усманов прочитал молитву в камере Мусы Джалиля и его соратников перед их казнью. Выступивший на вручении реликвии джалиловед Рафаэль Мустафин рассказал о том, как был удивлен и испуган своей предстоящей миссией Гали-мулла, предполагая даже то, что коммунисты-джалильцы могут его прогнать. Но узники приняли его мирно и, приложив ладони к этому корану, сказали последние слова прощания и только после этого священного мусульманского ритуала отправились на гильотину.

Сложным оказался путь Корана - долгие годы из рук в руки передавался он до тех пор, пока не оказался в США у Вафалы эфенди, который, понимая ее историческую ценность, привез Коран

с собой на Всемирный конгресс татар летом 1994 года и передал известному ученому Миркасыму Усманову.

На торжественном вечере, посвященном этому событию присутствовали также Гильмудла-хазрат, известные писатели и музейведы.

С.М.Булгарн.

ТОВАРИЩ ПО КОМСОМОЛУ

О Мусе Джалиле, его жизни и творчестве написано много. Но вот передо мной тоненькая книжечка стихов "Суровая нежность", изданная в Челябинске. И в ней стихи о юном Мусе, принадлежащие перу друга его комсомольской юности Евгении Чебановой. Вот они:

Пусть время узел свой
стянуло туже,
Но на душе остался
светлый след.
Я помню комсомольцев
Оренбуржья,
Моих товарищей давно
минувших лет.
Дежурства чоновцев,
ночей тревоги
И смену патрулей
в седой рассвет,
Винтовку часового
на пороге,
И жажду глаз
в часы политбесед.
И дух махры,
чадящие закрутки,
Шуршание зачитанных
газет,
Серьезный спор
и между делом шутки,
В губкоме на бюро
коптилок свет.
Ты был, Джагиль,
тогда со мною рядом -
Живой, а не закованный
в гранит,
Чернявый паренек
с открытым взглядом,
Ничем не примечательный
на вид.
Прости, что я тебя
не разгадала,

Не поняла, что ты -
 один из нас -
 Броню такого прочного
 закала
 Для испытаний будущих
 запас.

Евгения Даниловна Чебанова сама была удивительным человеком. Комсомолка, член партии с большим стажем, она многое перенесла. Черным крылом ее коснулся 1937 год. Но сила воли и поистине "джалиловские" черты помогли преодолеть все, в том числе и казнь любимого брата.

Она прожила более 80 лет. Книга стихов Чебановой "Суровая нежность" вышла в свет уже после ее смерти. Подруга Евгении Даниловны, член КПСС с 1919 года Галина Вадимовна Абуткова пишет в предисловии к сборнику о том, что люди, близко знавшие Чебанову, отмечали ее главную черту - ей была свойственна доброта. И окружающие платили ей тем же.

У Евгении Даниловны хранилась любопытная фотография 20-х годов. Среди комсомольского актива запечатлен молодой человек в светлой одежде, с большим шарфом через плечо - Муса...

А.КОТЛОВА-БЫЧКОВА.
 ("Советская Татария", 1988 г.)

Послесловие к подборке материалов

Да, последние годы приучили нас к "перечитыванию" и даже к "переписыванию" истории применительно к новой эпохе, к новому "режиму". Как знать, возможно это коснется и Джалиля - госпожа История довольна капризна... Но как бы там ни было, нам все-таки необходимо помнить, что Муса Джалиль был не только "убежденным ленинцем", но прежде всего - прекрасным поэтом, безгранично любившим свою Отчизну, свой народ. А Поэт, как известно, величина неизменная при любой власти, при любом режиме. Поэтому вполне закономерно, что к десяткам памятников Мусы Джалиля добавляется еще одна прекрасная скульптурно-архитектурная композиция, которая украсит город его юности - Оренбург. Известный скульптор Кадим Замитов изобразит поэта, сидящим на фоне расколотой на две половины плиты, символизирующей утраченное Отечество.

Подготовил к печати - С.М.БУЛАГАРИ, краевед.

*К 110-летию
великого
татарского
поэта*

Габдулла Тукай.
Работа В.Анютинa

1. Новые переводы стихов Габдуллы Тукая

Я СЛЕГ В ДЕРЕВНЕ

Я в деревне. Я болею. А вокруг меня снега.
Отдохни, Ахмет, со мною - летом ты метал стога.

Буду я работать ложкой, засучивши рукава, -
прогоню болезнь из тела, солнце выглянет едва!

Мысли зимние, как выюга, обжигают - холодны,
но с картошкой и хлебом доживу я до весны.

Ах, картошка с постным маслом, вот роскошная еда!
Всех: и бедных, и богатых выручала ты всегда.

Долго к темному народу из Америки самой
добиралась ты, картошка, чтоб согреть меня зимой...

Перевел с татарского Николай АЛЕШКОВ.

* * *

Я приехал на зиму в деревню и тут заболел.
 Круглосуточно дрыхнут дядя, обленившись без дел.
 Вот и задаю храпака в их отлаженном хоре.
 Надоело болеть. Жду весны, избавленья от хвори.
 Лезут в голову черные мысли - житья от них нет.
 Накормили бы что ли картошкой и хлебом в обед.
 Ух-х-х, картошечка с маслом! Любимая наша еда...
 Не прискучит, я знаю, твой вкус никому, никогда.
 Из Америки к нам ты явилась на вечные муки;
 Что поделать, мы, темные люди, нутром постигаем науки.

Перевод с татарского Петра Прихожана.

НЕ УЙДЕМ!

Вот душою черноликих темных слышен нам совет:
 В край султана уходите! Нет тут жизни! Воли нет!

Соки жмут и за кордоном - уходить уж подождем.
 Там пятнадцать их шпионов - тут десяток. Не пойдем!

Тут казаки - там казаки. Тут камча и там камча.
 Там под феской те же знаки, тот же образ палача.

Видит Бог, - мужик голодный там ограблен, как и здесь.
 Всюду есть умелец годный всей душой в казну залезть.

Из огня да прямо в пламя нас зовут - совет таков.
 Только много ль между нами бесподобных дураков?

Коль уйдем в страну иную, пусть и наши города,
 Пусть века, что здесь минули, отправляются туда.

Здесь рождались, здесь росли мы, здесь дано нам в землю лечь.
 Здесь судьбою неизбывной путь нам свой дано сберечь.

Знай же свора черноликих нашу волю, наш наказ:
 Здесь свободную Россию мы узнать хотим сейчас!

Наш ответ мы скажем ясно, припечатав навсегда:
 Лучше там вам? Так прекрасно!
 Так пожалте, господа!

Перевод Нияза Ахмерова.

Поэзия

Роза Ахтямова филолог по образованию, член Союза Журналистов Казахстана, она автор многих очерков, статей, успешно занимается научными изысканиями в области лингвистики. У нее много друзей. Ее жизнь очень не проста, и прежде всего потому, что судьба отняла у нее зрение. Другое ее лицо — поэтическое, единственное, женственное и нежное. Оно изменчиво: слабость вдруг оборачивается силой, а сквозь смирение

проглянет гордость. Не таково ли женское сердце?

В поэтическом мире Розы Ахтямовой идет вечная борьба между ледяным холодом отчаяния и смерти и огненностью чувств, между тьмой и светом. Но это и есть жизнь. Иного человеку и не дано!

Представляем читателю некоторые стихотворения Розы Ахтямовой из ее поэтического сборника и этим открываем весенний занавес душевной песней.

Роза АХТЯМОВА

ОБОЖЖЕННОЕ СЕРДЦЕ

И если я не умерла,
То потому, что кто-нибудь
Всегда молился за меня

Б. Ахмадулина

МЕСТЬ МУЗЫ

*Мне Муза просто отомстила
За то, что не считалась с ней,
За то, что годы посвятила
Кому угодно, но не ей.*

*Она нашла мои тетради
В которых часто между строк,
Наверно, баловства лишь ради,
Я забывала про урок.*

*Там среди формул разместились
И поцелуи и цветы.
Там ветры буйные носились,
Там о любви шептал мне ты.*

Моя любовь была к другому,
Твоя - ко мне,
Ее - к тебе -
Так я писала среди формул,
Угодно было так судьбе.

И вот уж девочкою робкой
Она стоит передо мной:
Игрушки, бантики, коробки...
Да отвяжись же, - боже мой!

Она настойчиво и нежно
Клянется мне меня любить.
Пришлось ей уступить, конечно:
Богинь не следует гневить.

И вот бессонными ночами
Мы стали спорить, говорить...
Расстаться думала вначале,
Но кем богиню заменить?

Таковыми сделались друзьями,
Что видно - не разлить водой,
Вернее, - не разлить слезами, -
Так спаяны моей бедой.

***

Как сладко сердце замирает,
Когда со мною рядом ты,
Когда, смеясь, ты мне бросаешь
Мои любимые цветы.

В них свежесть утреннего ветра
Той первозданной чистоты,
И отблеск солнечного света,
И наши юные мечты.

В них робкое твое признание
В неведомой для нас любви,
И радость встреч,
И ожидание того,
Что будет впереди.

***

Порой так нежности хочу,
Что на коленях я готова
Просить о ней,
Но знаю:
Слово
Разрушит то, о чем молчу.

* * *

Ну что тебе моя любовь?
Лишь хрупкое воспоминанье,
А я живу одним желаньем,
Чтоб встретиться с тобою вновь.

Ну что тебе моя любовь?
Зима. Весна. А прежде - осень...
Так преждевременность уносит
Очарованье светлых снов.

* * *

Один любил безумно -
В нем не было ума,
Другой любил и думал,
Что я люблю сама.

У претъего - все в прошлом,
И нечего терять, -
Любил он грубо, пошло,
Ведь жить - не умирать.

И был еще наивный,
Почти совсем дитя,
Любил смешно и мило,
А я - его щадя.

И разве так уж важно,
Кто, как из них любил,
Кто утолял лишь жажду,
Кто добрым, честным был.

Беда не в том, что рыжий,
Блондин или брюнет,
А что милей и ближе
Тебя, любимый, нет.

* * *

Еще ребенком в зеркала
Глядела я -
Не наглядеться...
Знать, чувствовала детским сердцем,
Что в жизнь мою вторгалась мгла.

Цветы и травы не рвала,
И только взглядом их ласкала,
Людей глазами целовала -
Назойливою не была.

**Зинвер
ДАВЫДОВ**

Зинвер Давыдов не прожил и шестидесяти. Он был мужественным человеком, солдатом жизни. Его поэтом. "Сначала монгольская граница. Даурия, потом путь на Запад: Смоленск, Тихвин, Волхов, Рига, Дальний Восток... - писал он в автобиографии после войны. - Война есть война, я прошел ее от начала до конца". Поэты-фронтовики были его друзьями и переводили стихи на русский язык - М. Луконин, Я. Смеляков, М. Львов.

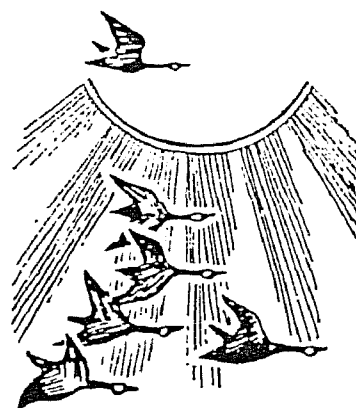
* * *

Вся земля
на дыбы из-под ног,
Я живой,
хоронить меня рано.
Все дороги к тебе
через тот бугорок,
радость моя,
ангел мой,
моя рана.
Тороплюсь к тебе,
видит бог,
ад земной преодолеваю...
Дышит минное поле
и вон тот бугорок,
где былинка дрожит полевая.

* * *

Человеческое счастье, где оно?
Может, рядом - стоит растворить окно,
дверь легко откинуть, за порог ступить...
Или помаленьку и не стоит жить?
Брать, так уж с лихвою, из любой реки
малость да отведать с ковшика руки?
Части света, точно бы пять косых лучей,
тяжестью почувствовать на своем плече.
Шар земной огромный тропкой раскрутить
и вернуться к дому...

к счастью, может быть?

* * *

Что голову склонил, скажи, родной?
Ты болен, но не меркнет свет дневной,
вода не высохла: колодец там, где был.
Зеленый пруттик темный сруб пробил
всего с ладонь, а почек целых пять -
теперь его и градом не унять!..

Вон двое молодых кровать несут
и трогают пружины на весу.
Поют пружины!

Значит, на миру
все ладно, ветерок ласкает грудь
и треплет кудри...

Дома стол накрыт -
на месте все, от венчика до крыш...
Раздышишься. Пойдем-ка на крыльцо,
покажем людям доброе лицо.

Рис. Б. Альменова

Фото А. Биктимирова

ОБ ОШИБКАХ

О, сколько раз я ошибался —
и проклинал себя за то...
Ошибки совершая, клялся
не повторять их ни за что!

Хотел бы, в прошлое отправясь,
попробовать исправить их, —
но, может быть, с одною справясь,
я совершил бы сто других?..

Мои бывшие заблуждения,
непоправимые навек,
заслуживают снисхожденья...
Ведь я всего лишь человек.

Кто безошибочностью ложной
себя обманывать привык,
тот не поймет, что невозможно
исправить жизни черновик.

И совершит любую подлость,
того и не заметив сам...
Что безошибочность?
Бесплодность!
В Эдеме согрешил Адам...

Перевел Вячеслав Баширов

Судьба! Твоей соли тяжелых пудов,
Скажи, сколько съедено, сколько осталось?
О том, как люблю тебя, петь я готов,
Хотя бы и песня вовек не кончалась.

Пою не для славы я. Слава слепа.
Нет, в песне душа моя станет понятна.
А если меня не услышишь, судьба,
Бери свое прошлые ласки обратно!

Чтоб я не запутался в щедрых дарах,
Лишь ту дай мне долю, что мне причиталась.
Зажги мне лучину, когда я в плотьмах,
Дай руку, коль сил у меня не осталось.

Судьба, испытанья твои велики.
Я их одолел и еще одолею.
Пусть годы вбиваются болью в виски,
Покуда справляюсь я с долей своею.

Не робкий, не наглый, прошу одного,
Не надо пока облегчать мою ношу.
Пока я еще не боюсь ничего,
И тяжести этой пока я не сброшу.

Судьба! Твоей соли тяжелых пудов
Не надо жалеть. Дай мне все, что осталось.
Тебе я пою. И принять я готов
Все, чем испытать ты меня обещалась.

Перевела Ольга Мартынова

Мне кажется, земли совсем не изменило
Рождение мое...
Все в ссорах мелочных уходим мы из мира,
Теряем бытие.

И каждый новый час — как горестный оракул,
Как новый шаг к беде...
Поверите ли мне? — сегодня я заплакал
О будущем людей.

Потомки — братья мне, и через тьму столетий
Тянусь я их любить...

Но мучит страх меня: о, сколько дней на свете
Осталось жизни — быть?!

Как мы смогли себя в холопы своего же
Рассудка низвести?!
Мир спрашивает с нас все строже, строже, строже:
Как мы хотим его спасти?!

— Как мы хотим спасти? — он спрашивает, просит,
По-детски изумлен, —
А а Книгу Красную все больше годы вносят
Имен, имен, имен...

Иль в судный час для вас, природы бедной боги,
Жизнь столь же будет хороша?

Так как же может жить без горестной тревоги
Разумная душа?

Перевел Олег Юрьев

Человек со странностями —
 многообразным легкомысленных интересов,
 драгоценными пустяками,
 архитектор Рустем Бикүшев
 больше задаст вопросов, чем на них
 отвечает. Он похож на вечного мальчика,
 стоящего перед величественным, сияющим
 собором. Кажется, пролетающие годы
 не имеют к нему отношения:
 он — углублен, он — очарован.
 Поэзия рада вить гнездо в его сердце,
 обманчиво беспечною.

Познав, он говорит:

...цель небытия — жизнь,
 вершина жизни — любовь,
 жизнь и любовь — обретают счастье,
 жизнь, любовь и счастье — дарят долголетие,
 жизнь, любовь, счастье, долголетие —
     открывают мудрость,
 жизнь, любовь, счастье, долголетие, мудрость —
     образуют Судьбу.

Судьба стремится к Бессмертию!

Классическая свежесть не всякому дается.

Рустем БИКУШЕВ

ВСЁ ДЛЯ МЕНЯ ОДНУЩЕВЛЕННУ!

Первая строка

Я знаю нужду, но такую,
 Что грезится даже во сне:
 Строка, по которой тоскую,
 Сама стосковалась по мне!

Свет ближний меняя на дальний
 Еще до невидимой эги,
 Я знаю, что будут печальны
 Начальные звуки строки!

Я знаю провал середины
 Еще до того, как попасть
 Снежинкой в пучину лавины
 И, тая во льдах, умирать.

Еще до того, как воскреснуть,
 Став точкой кипенья реки,
 Я знаю — сон должен исчезнуть,
 Уже не касаясь строки.

Вскрик

Не беседую с ветром,
Не играю с зарей! ,
Голос мой мне неведом,
И неведом взгляд мой.

Только этот — случайный,
(когда ночь так тиха!)
Самый ближний и дальний
Полушепот стиха.

Так ползут полутени,
Так скользят полублнк,
Самый ближний, последний
Всплеск, похожий на вскрик.

Полукруг

О чем грустит, мерцая, тишина?
Куда зовет задумчивый простор?
Луна и небо, берег и волна
Ткут полночи серебряный ковер.

Здесь каждый блнк —
художник и поэт!
Так коротко еще не жил никто,
Столь бескорыстно
свой не тратил свет...
Для мига вечность меньше, чем ничто.

Колышется громада бытия,
Песчника-блнк, куда же ты, постой!
Когда-нибудь тобою стану я,
А ты, как я, перемелькнешь тропой.

Так будет завершен круговорот
Еще со школьной памятной скамьи,
Что свод небес живет движеньем вод
По кругу — от земли и до земли.

И, словно завершая полукруг,
Тропа вписалась в плавную дугу.
Еще полкруга...

до свиданья, друг,
На этом ли, на том ли берегу.

Тростник

Где не дремлет в камне
каменное сердце,

Не тускнеют кольца
жизни под корой.

Выхожу на берег —
это побережье

Обнимает солнцем,
ластится волной.

Проникаю слухом
в музыку уключин.

Кто тебя беспечней,
дирижер весла?

В вод чистописанье
ставлю закорючки,

Пусть читает небо:
нота и струна!

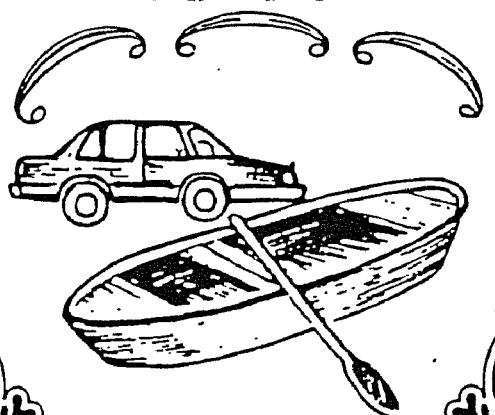
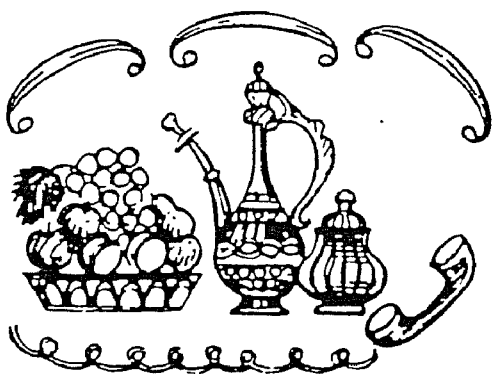
Пусть оно читает!
Лета второгодник,

Не листнул на осень
даже пары книг...

В этот день недели,
в несравненный вторник,

Понял, что питает
мыслящий тростник.

Ходжи Насред- дин В Шатар- стане

***

Ходжа Насреддин звонит по телефону приятелю:

- Салям алейкум. Ты хочешь со мной отужинать?

- О-о, с огромным удовольствием!

- Тогда завтра в семь у тебя. Хорошо?

***

У Ходжи Насреддина спросили, сможет ли он работать, если выпьет стакан водки.

- Запросто! - ответил Ходжа Насреддин.

- А если два?

- Смогу...

- Ну а после третьего?

- Работать не смогу, а руководить пожалуйста!

***

Услышав из уст Ходжи Насреддина несколько его анекдотов, слушатели спросили:

- Почтенный Ходжа-ага, кто у нас в Союзе самый большой юморист?

Ходжа Насреддин скромно опустил очи и ответил:

- Нас несколько...

***

На выходе из ресторана Центрального Дома литераторов в Москве изрядно подгулявший Ходжа Насреддин столкнулся с посетителем в расшитом золотом мундире, морской фуражке с листьями и кокардой:

- Швейцар, такси?!

- Простите. Я не швейцар, я - адмирал...

- Тогда лодку!..

***

Ходжа Насреддин обознался и в очереди обнял незнакомую женщину. Чтобы как-то оправдать свою оплошность, он извинился за свой промах:

- Простите, я подумал, что вы моя жена. Она тоже с сумкой и зонтиком.

- Вы грубиян, хам и, вдобавок ко всему, алкоголик...

- Вы точная копия моей жены. У вас даже слова одинаковые.

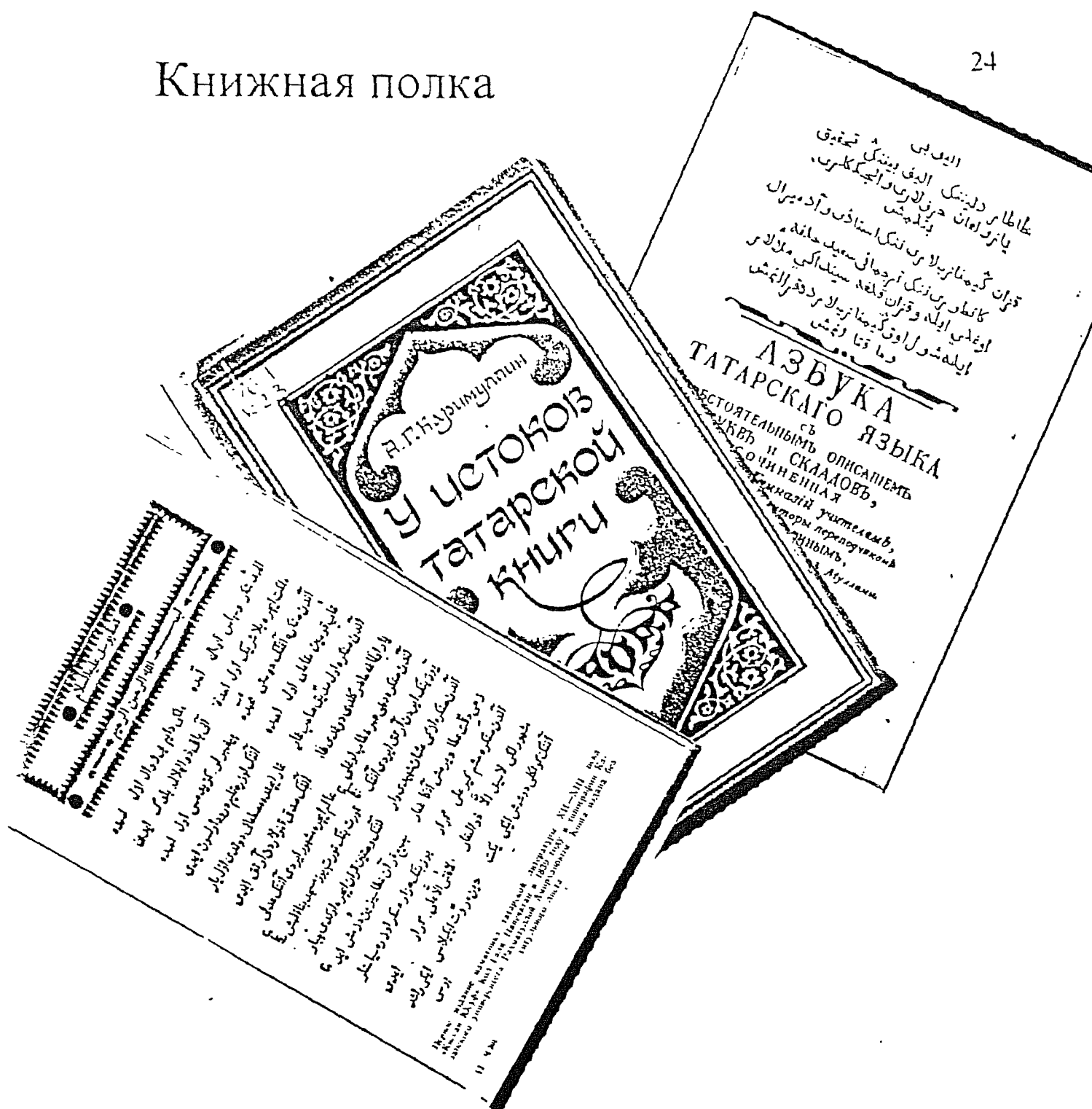
***

В Госмузее Татарстана Ходжа Насреддин утомился на экскурсии и чтобы отдохнуть, сел в карету царицы Екатерины, на которой она приезжала в Казань.

Не успел Ходжа Насреддин закрыть дверку, как сбегались переполошенные сотрудники музея:

- Что вы делаете? Это же карета Екатерины!

- Подумаешь, какая птица! Я только посижу, а когда она придет, встану.

Книга доктора филологических наук А.Г. Каримуллина является первой печатной работой, посвященной возникновению и развитию татарской печатной книги. Изданная в 1971 году тиражом в тысячу экземпляров, она давно стала библиографической редкостью. Книга станет желанным источником для библиотекарей, историков, специалистов - гуманитариев различного профиля при подготовке к 275 - летию татарской книги.

Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги. Изд. 2-е, испр. и пер.- Казань: Татарское кн. изд., 1992.- 208с., ил.

Составители: Семенова М.В., Куликова И.М.

Ответственный за выпуск: Новопашина Т.Х.

Татарская литература. В часы досуга. Дайджест - пресс.
Вып.3/СОММБ: Сост. М. Семенова, И. Куликова.- Екатеринбург,
1996.-24 с.